

относительно этимологической литературы отметим, что все необходимые элементы объяснения греч. ἀλίβας 'уксус; мертвец; река мертвых' как 'anderswohin Gegangener' (ἀλί-βας, ср. βαίνο, S. XXXVI²) уже были даны О. Н. Трубачевым³. О. Н. Трубачеву принадлежит и заслуга обоснования связи и.-е. *g'en- 'знать' с и.-е. *g'en- 'рождать'⁴, не учитываемой ССО (S. LXIV—LXV).

Не приходится говорить, что именно от полноты и наглядности этимологического обоснования в значительной степени будет зависеть эффективность обширных материалов ССО, актуального и, в перспективе, видимо, полезного издания.

¹ См. Трубачев О. Н. «Молчать» и «таять». О необходимости семасиологического словаря нового типа. — В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, 100—105. Эта работа, видимо, осталась неизвестной Й. Шрепферу, как и дискуссионный отклик на нее Э. Гавловой (см.: Havlová E. O potřebě slovníku sémantickýč změň. — Jazykovědné aktuality 1965, 4, 3—4), тем более интересный, что упомянутые предложения О. Н. Трубачева сравниваются в нем с предложениями самого Й. Шрепфера (см. Schröpfer J. Wozu ein vergleichendes Wörterbuch des Sinnwandels. — Proceedings of the Seventh International Congress of linguists. London 1956, 366—371), отчасти нашедшими отражение в ССО. Заметим, что мнение Э. Гавловой по этому вопросу полностью расходится с нашим.

² См. подробнее: Schröpfer J. Über Benennungen des Essigs in einigen indogermänischen und anderen Sprachen. — In: Semantische Hefte I, 1973/1974, 162 и след.

³ Трубачев О. Н. Рец. на: Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. — Lief. 1—3. Heidelberg, 1954—1955. — ВЯ, 1957, 3, 157.

⁴ Трубачев О. Н. История славянских терминов родства. М., 1959, 154 и след.

А. Е. Апикин

Phaedon Malingoudis. Studien zu den slavischen Ortsnamen Griechenlands. 1. Slavische Flurnamen aus der messenischen Mani. Wiesbaden, 1981 (= Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Mainz. Abhandlungen der Geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse. Jahrgang 1981, Nr. 3)

Молодой греческий славист из города Фессалоники Фаэдон Малингудис, уже известный трудами по средневековой южнославянской эпиграфике (Ph. Malingoudis. Die mittelalterlichen kyrillischen Inschriften der Hämus-Halbinsel. Teil I. Die bulgarischen Inschriften. Thessaloniki, 1979), посвятил себя главным образом исследованиям по славянской исторической ономастике, прежде всего — славянской топонимии Греции. Освоение Греции — финальный и важнейший этап балканской миграции славян второй половины I тысячелетия н. э. Этот этап замечателен целым рядом особенностей в глазах науки. Привлекает внимание периферийность Греции в масштабах всей балканской миграции славян, интересная теми потенциальными особенностями процесса, которые обычно находят выражение именно на периферии (например сохранность архаизмов), уникальность этого эпизода этнической истории славянства, специфика славяно-греческих отношений, в ходе которых греческий этнос вначале уступил ряд позиций во всей стране, чтобы затем полностью вернуть себе все утраченные позиции, ассимилировав местное славянство. Последнее в силу тогдашнего своего уровня культуры не оставило письменных памятников на собственном языке или языках. Почти исключительный документ славянского периода истории Греции — это местные названия славянского происхождения. Очень знаменательно, что за эту тему взялся греческий лингвист, который сам откровенно признает, что еще совсем недавно обращение к теме «Славянский элемент в Греции» расценивалось бы не иначе как оскорбление национального достоинства эллинов

(«Предисловие» к рецензируемой книге, с. 5). Весьма отраднo, что автору чужды эти эллинофильские крайности и что он выступает перед нами как современный, объективный исследователь проблемы. Перед Ф. Малингудисом стояла сложная задача. Надо отметить, что он решал ее трезво и реалистично. За сорок лет до выхода книги Малингудиса был опубликован во многих отношениях классический труд М. Фасмера («Славяне в Греции»), используемый греческим ученым на каждом шагу. Малингудис в общем правильно оценил сильные и слабые стороны книги Фасмера. Так, он сделал правильный вывод, что суммарный обзор с преимущественным уклоном в макротопоницию не сулит интересных конкретных результатов (в общем и результаты Фасмера, по наблюдениям автора, не гарантировали воссоздания в деталях точной картины славянизации Греции), поэтому Малингудис выбрал в качестве объекта исследования микротопоницию. Он произвел полное обследование небольшого района, который на карте Пелопоннеса занимает участок вдоль морского побережья Мессенского залива на юго-запад от Спарты. Этот район называется Мани или мессенская Мани. Всего обследованы двадцать деревень, вернее — названия их урочищ, по-немецки — *Flugnäpfe* или, как принято говорить у нас, — микротопонимы. Такой метод представляется автору наиболее эффективным, потому что, как он полагает, лишь наличие «славянской микротопонимической системы» позволяет заключить о длительности славянского заселения, в противном случае имела место непрерывность греческого заселения (когда отдельные славянские названия или даже ряд названий и их элементы фигурируют лишь в устах греческого населения, не образуя системы тематических групп топонимии и лексики). Как констатирует Малингудис в конце работы, на с. 178, такая славянская система существовала в топонимии этого участка средиземноморского побережья.

Почти весь материал был собран на месте, в результате чего получены формы названий в нынешнем живом греческом языке, включая ударение, что все вместе представляет ценность для исследования. Исследуемые формы сравниваются с близкими формами в книге Фасмера и других доступных письменных источниках разных эпох по Греции, с остальной славянской топонимией.

Выбор автора неслучайно остановился на этом самом южном уголке материковой Греции. Доступные источники определенно свидетельствуют о пребывании здесь славянского населения с IX по XV в. В IX—X вв. в южной части Пелопоннеса упоминаются славянские племена мелингов и эзеритов, причем эзериты непосредственно соседствовали со Спартой, а мелинги обитали на западной стороне хребта Тайгет, т. е. их область совпадала с районом Мани, исследуемым автором¹. От XV в. дошло удивительное свидетельство греческого путешественника Каноаноса Ласкариса, посетившего страны по берегам Балтийского моря, который сообщает, что к западу от Пруссии и Данцига есть страна *Σθλαβουβία* со столицей Любеком, откуда происходят якобы пелопоннесские зигиты, потому что во многих деревнях этой Стлавунии говорят на том же самом языке (*Malingoudis*, с. 21).

По замыслу автора, в центре его внимания — этимология топонимов (см. *Malingoudis*, с. 5). Основной раздел его книги (II) — алфавитный словарь славянских микротопонимов, занимающий свыше ста страниц текста. Внимательное чтение лишь убеждает в том, что исследователя славянской ономастики в Греции ждут по-прежнему большие и специфические трудности. Средне- и новогреческое языковое состояние резко отличалось от современного ему славянского, отсутствие звонких смычных, шипящих, наличие своих окказиональных метатез плавных в греческом сообщало большую зыбкость и приблизительность отражению формы славянского слова или имени, не меньшую, чем это, например, известно из равных славяно-венгерских языковых отношений времен венгерского «заятия родины» и, возможно, большую, чем та, которая имела место при окончательной романизации Дакии. Разумеется, эти объективные трудности делают относительными или проблематичными те или иные выводы Малингудиса, его реконструкции формы славянских слов.

На базе местного названия *Αλμπάσιτσα* автор реконструирует слав. *Albošica (с. 22), славянская принадлежность которого явствует из участия характерных формантов *-oš-ica*; корень **alb-* квалифицируется как дOMETATEЗная, видимо, праславянская форма, синонимичная слав. *bělъ 'белый'. Но в основном отражено *bělъ, ср. производное *Μπελέχας* или сложение *Bělegradъ (*Μπελεγράδι*),

с. 23 книги. Как видим, в последнем случае представлена также послеметатезная форма южнославянского типа *gradъ*. Вообще следует отметить, что, несмотря на свою периферийность, славянские формы, отраженные топонимией Мани, демонстрируют достаточно продвинутое языковое состояние и не отличаются особым архаизмом. Ср., напр., исключительное наличие *i* на месте этимологического *y*: *Bilišta (Μπίλιστα) < *Bylišta, с. 24. Топоним Γλοβιλιβά (*Glubina*) отражает уже проведенную деназализацию, но вместе с тем древнее место ударения, ср. русск. *глубина́* (с. 40—41).

Разбирая отражения слав. *gora 'гора' в греческой топонимии, Малингудис считает случай Подогора греческим гибридным сложением из греч. πόδι 'нога' и (слав.) γορά (с. 45). Болгарская рецензентка его книги Д. Михайлова (БЕ XXXII, 3, 1982, 239) правильно указывает ему на возможность здесь чисто славянского сложения с предлогом — приставкой *podъgora*. Странно, что сам автор не обратил при этом внимания на широкие славянские аналоги этого типа, приводимые в работе М. Караса о топонимах вроде польск. *Podgóra, Żalas*, хотя эта монография ему известна (см. перечень литературы, с. 10). Неточностью словообразовательной характеристики польск. *karzunek* 'раскорчеванное место' можно считать авторское членение *-un-ek* (с. 60), следует говорить здесь о едином форманте *-unek*, как в *ratunek, rabunek*. Осталось неясным, зачем нужно в топониме *Νεροβίσια* предполагать греческую метатезу из *nevor-* и реконструировать слав. *Nevorište (с. 73); топонимы славянского происхождения с корнем *rov-* известны в этом районе, причем именно в сложении с префиксами. Помимо *Nevorište, которое мы бы восстановили из *Νεροβίσια*, можно назвать гидроним (название источника) Ποροβός, которое, конечно, целиком отражает слав. *porovъ, ср. польск. *parów* 'овраг' (автор, с. 98, реконструирует только *Rovъ). Ошибочно мнение автора о том, что слав. *obora, oborъ* 'загороженное место, хлев' образовано от *borъ* 'сосна' (с. 77, сноски 17); здесь, конечно, представлено сложение *ob-vor-*. вовсе не обязательно в топониме Ἀρκιτοβία (*Orkitova*) видеть посессивное прилагательное с суф. *-ov-* от личного имени собственного (с. 78 книги). Это старая модель прилагательных от названий деревьев *berzovъ, *lipovъ, *orkytovъ, совершенно обычная в топонимии. При объяснении топонима Ἀγχιλιστή (*Oglište*, с. 82) необходимо привлечь апеллатив болг. *въглища* мн. 'уголь'. Очень опрометчиво искать в названии Πανικόβα (*Panicova*) «праслав. *panъ* 'dominus'» (с. 83), которое, во-первых, имело в праславянскую эпоху вид *gъranъ, а во-вторых, было неизвестно южным славянам. Случайной ошибкой можно считать утверждение автора, что Псел — «первый (erster) приток Днепра» (с. 94). Излишни сомнения автора в том, что славянские населенные в Греции имели (элементарное) судопроизводство (*Gerichtsverfassung*), см. с. 108. Наличие праслав. *sqdъ и других юридических терминов положительно свидетельствует в пользу этого допущения.

Изучение славянской топонимии в Греции затрагивает целый ряд больших проблем разных языковых уровней. Из словообразования достаточно назвать производные с суф. *-ica*. Существование славянских названий с этим суффиксом несомненно, в том числе в пелопоннесской области Мани (там есть довольно много убедительных примеров сочетания *-ica* со славянскими корнями, с другими славянскими суффиксами, с точными соответствиями в ономастике и апеллативной лексике других славянских стран). Вместе с тем проблема генезиса форманта *-ισα* в греческом далеко перерастает не только крохотную область Мани, но и рамки всей материковой Греции, в чем легко убедиться из знакомства с обширной монографией: Demetrios J. Georgacas. A Graeco-Slavic controversial problem reexamined: the *-ισα*- suffixes in Byzantine, Medieval, and Modern Greek: their origin and ethnological implications. *Αθήναι* = Πραγματεῖαι τῆς Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν, τόμος 47), 1982.

Весьма интересен вскрываемый фонетический облик славянской топонимии Мани, ср. напр. Τσοβίζος (*Čužъ*), этимологически — из праслав. *tjudъ 'чужой', но не с болгарскими, а с восточнославянскими рефлексами *tj* и *dj* (с. 29). Ср. также Λιμποβίζια (*Liboviž'a*), четко относимое к притяжательному праслав. **L'uboviđja* от личного имени собственного, т. е. опять-таки не с болгарским рефлексом *dj* > *žd* (ожидалось бы *čd*), а с «русским» *ž* (*Malin-goudis*, с. 63). И в этом Малингудис существенно дополняет и усложняет картину, нарисованную Фасмером. Сложность заключается в том, что болгарский рефлекс

tj > št представлен также достаточно многократно, но это не должно заслонять случаев болгарского рефлекса *dj > ž* (с. 148—149). Этот вывод сформулирован автором впервые (см. также с. 180), он дает право на более широкую славянскую атрибуцию данного пласта топонимии Греции и представляет интерес для этногенетических исследований. Эти наблюдения автора смыкаются с его же констатацией ряда случаев соответствий топонимам Мани не в болгарской (или даже шире — не в южнославянской) лексике и ономастике, а в других частях славянской территории. Ср. *Moltŭce, восстанавливаемое на базе маниотского местного названия 'Εμάλτσος, и точное соответствие в чешском топониме *Mlatce* (с. 70—71). Название 'Αμπροντολόσ (*Obrŭ dolŭ < *Obrjŭ dolŭ*) находит соответствие в чеш. *Obří důl*, в Исполинских горах (Malingoudis, с. 77). Реконструируя *Prqđŭ* на базе топонима Πράντος, Малингудис специально указывает на отсутствие этого апеллатива в болгарском (с. 92). *Smuga*, реконструируемое на основе маниотского Σμούγα, находит соответствие в западнославянском и восточнославянском апеллативе *smuga* 'полоса' (и близкие значения), в южнославянском это слово встречается крайне редко (с. 101—102).

Как известно, М. Фасмер, живший в эпоху преимущественного господства монолитной концепции как южнославянского, так и других частей славянского языкового пространства, в своей книге «Die Slaven in Griechenland» обычно оставлял без объяснений подобные выпадения из однородной схемы, скажем, болгарской или южнославянской языковой принадлежности славянского пласта топонимии Греции. С этим пришлось столкнуться и мне во время работы над темой «Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян» (см. ВЯ 1974, № 6, с. 63, где критикуются примеры такой исследовательской практики Фасмера, зачислявшего отдельные западные или восточнославянские соответствия славянским топонимам Греции в разряд исключений или случайностей, которые, однако, в наших глазах, символизируют реальную сложность славянского этноса в Греции). Малингудис постоянно полемизирует с Фасмером и в этом аспекте. Собственный материал исследователя славянской топонимии мессенской Мани также подкашивает ему более адекватную концепцию вероятной этноязыковой многокомпонентности. В своей одновременно с книгой опубликованной статье «Die Bulgaren im byzantinischen Reich. Kritische Bemerkungen» («Balkan Studies» 22, 2. Thessaloniki, 1981, S. 247 и сл.) Малингудис живо полемизирует со сторонниками старой теории языкового монолита и принимает сторону концепции этноязыковой сложности славянства в Греции, изложенной мной в упомянутой статье.

Работа о маниотской славянской топонимии опубликована как № 1 в серии авторских «Исследований по славянским местным названиям Греции». На том же конкретном уровне микротопонимии Ф. Малингудис намеревается обследовать примыкающую к Мани с северо-востока область мессенской низменности. Можно надеяться, что и эта будущая работа принесет автору интересные результаты.

¹ Если относительно эзеритов можно допустить, что они носят славянское имя ('озерные') и принесли его с собой, видимо, издалека на Пелопоннес, который как будто не богат озерами, то этноним другого славянского племени удивляет нас своим неславянским видом. Автор толкует, вслед за Д. Георгакасом, этноним Μηλιγγοί < Μελιγκοί от греч. прилаг. μελιγκός 'медовый' (якобы о цвете волос этих славян, в отличие от местных греков). См. с. 18 книги Малингудиса. Заметим, однако, что область племени Μηλιγγοί и район Мани (н.-греч. Μάνη) взаимно покрывают друг друга, ср. Malingoudis, с. 17. Топоним Μάνη, Μάνη (засвидетельствован с середины X в. у Константина Багрянородного) автор признает не имеющим до сих пор этимологии, см. Malingoudis, с. 130, примеч. 9. Нет ли связи между топонимом и этнонимом в том смысле, что второй из них — суффиксальное производное от первого (с промежуточной диссимилиацией согласных)?

О. Н. Трубачева